

является символом вечности. Причем первый лексический импульс, «река времен», евфонически повторяет изречение «глагол времен», с которого Державин начал свою первую оду, посвященную теме смерти.

Несмотря на безнадежный тон, переданный по горизонтали, т. е. по течению стиха, линейно, до конца в котором даже «звуки лиры» поэта «пожрут» вечною, читателю вдруг предлагается новое осмысление — по вертикали, независимое от привычного чтения. В акростихе «РУИНА ЧТИ» Державин создает себе как бы новый памятник, который не только «металлов тверже и выше пирамид», но прочнее самой Вечности не только природой скрытого от нее значения, но и эвфонически, так как оба прочтения ведут свое начало от буквы «Р», с которой начинаются слова «река» по горизонтали и «руина» по вертикали и которую он считал особо твердой⁶³ Осмысляя себя в качестве руины, автор создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени, и не случайно «река времен», аналог вечности, дословно *вытекает* в стихах из образа «руины», последнего авторского представления о себе, как дряхлейшем из стариков, которое сопровождало более ранние его изображения ключей, рек и водопадов. Конечно, при скептическом подходе к такому осмыслению поэзии можно возразить, что такое слияние смыслов является случайным совпадением, тем более что Державин акростихов ранее не писал. Однако, как было показано выше, стремление соединить образ поэта и с рекой (житель реки Ра), и с образом Хроноса, из которого вытекает время, и, наконец, с образом застывшего в оледенении старика (нагляднее всего выраженного в АП), такое «совпадение» становится не только закономерным, но и единственно возможным решением в образной системе автора. Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно сам становится источником «реки времен». Будучи ее «ключом», он «уходит» общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник — надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг и сам Гораций. В нем не только слышен «рев» алмазной горы, из «Водопада», но и «рев времен», исходящий из вечно осыпающейся, но и

---

⁶³ Буква «Р» осмыслялась автором настолько твердым звуком, что он в предисловии АП «К читателям» гордился тем, что она совсем не была употреблена в десяти из предлагаемых им в сборнике песен «Между прочим, для любопытных, в доказательство его (отечественного слова — А Л) избытка мягкости послужат песни под номерами ( ) в которых буквы „р“ совсем не употреблено» (см АП86 С 8) Таким образом, строя себе памятник, который не только «тверже металлов» но и самой вечности, он, наверное, гордился бы находкой слова «РУИНА», утверждающей для него даже в звуковом плане свою прочность